

ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ: ВНЕШНИЙ КОНТУР

Клай Табер

Последние Свидетели

Клай Табер

**Последние свидетели.
Внешний контур**

«Автор»

2026

Табер К.

Последние свидетели. Внешний контур / К. Табер — «Автор»,
2026 — (Последние Свидетели)

Семьдесят два часа понадобилось одному слову, чтобы расколоть тишину и изменить судьбу цивилизации. Сигнал с «Гелиоса» приходит из невозможного места — из Внешнего контура, где реальность подчиняется иным законам, а назад дороги уже нет. Вместе с предупреждением о приближении очистителей Земля получает технологию, способную спасти человечество ценой глобальной изоляции. Совет раскалывается. Мир захлёстывают страх, вера и отчаяние. А экипаж «Гелиоса», ставший свидетелем чужой правды о Вселенной, пытается понять, можно ли спасти Землю, если само спасение требует отказаться от привычного будущего. Продолжение масштабной космофантастической саги о контакте, выборе и цене выживания.

Содержание

Глава 1: Мир после слова «ЖИВИТЕ»	5
Глава 2: Свидетели	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Клай Табер

Последние свидетели. Внешний контур

Глава 1: Мир после слова «ЖИВИТЕ»

Слово, расколовшее тишину

Семьдесят два часа. Именно столько потребовалось одному слову, чтобы перевернуть цивилизацию.

Станция «Горизонт» первой приняла удар. Не физический — информационный. Широкополосный приёмник модуля «Кеплер» захлебнулся потоком данных, который хлынул не из конкретной точки пространства, а отовсюду одновременно, словно сама межзвёздная пустота на мгновение превратилась в передатчик невообразимой мощности. Младший аналитик Томас Вэнь, дежуривший в ту смену, потом рассказывал, что сначала решил — у него галлюцинации от недосыпа. Приборы показывали невозможное: сигнал приходил из каждого направления с одинаковой интенсивностью, как будто источник находился не в космосе, а в самой структуре пространства-времени.

Первым на экранах появилось слово. «ЖИВИТЕ». Простое, короткое, набранное стандартным шрифтом системы связи «Гелиоса». Оно вспыхнуло на мониторах станции, затем перескочило на ретрансляторы лунной базы «Селена», оттуда — на орбитальные узлы связи, и через одиннадцать минут после первичного приёма добралось до Земли.

Оно появилось везде. На информационных табло в токийском метро. На голографических экранах Таймс-сквер. На планшетах школьников в Найроби. На нейроинтерфейсах хирургов в операционных Мюнхена. Системы безопасности, которые должны были отфильтровать несанкционированную трансляцию, оказались бессильны — сигнал не взламывал защиту, он просто проходил сквозь неё, как свет проходит сквозь стекло.

А за словом шли данные. Терабайты, петабайты, эксабайты информации, упакованной в формат, который земные компьютеры едва могли распаковать. Чертежи технологий, которых не существовало в человеческой науке. Карты областей космоса, о которых астрономы даже не подозревали. Фрагменты истории цивилизаций, чьи имена звучали как музыка забытых инструментов. И среди всего этого — подробные, пугающе точные инструкции по созданию системы, которую «Архимед» перевёл как «Завеса»: технологии, способной скрыть целую планету от взгляда Очистителей.

На станции «Горизонт» координатор смены Алехандро Фуэнтес сидел перед терминалом, не в силах оторвать взгляд от бегущих строк. Его руки мелко дрожали. За тридцать лет работы в дальней космической связи он привык к тишине — долгой, терпеливой, бесконечной тишине, в которой изредка мелькали слабые отголоски далёких пульсаров. Теперь эта тишина взорвалась, и осколки летели во все стороны.

— Сэр, — Томас Вэнь подошёл к нему, держа в руках распечатку. Бумага — архаичный носитель, который на станции использовали только для критически важных документов, не подлежащих цифровому перехвату. — Первичный анализ пакета данных. Раздел «Завеса» содержит полные спецификации для планетарного маскирующего поля. Но есть проблема.

— Какая?

— Для активации потребуется перестроить всю энергетическую инфраструктуру Земли. Каждую солнечную ферму, каждый термоядерный реактор, каждый квантовый процессор. И...

— Томас замялся. — Потребуется отключить все системы дальней связи. Навсегда. Земля станет невидимой, но и глухой. Мы больше никогда не сможем слушать космос.

Фуэнтес закрыл глаза. За иллюминатором станции медленно поворачивалась Земля — голубая, хрупкая, не подозревающая, что её только что поставили перед выбором между слепотой и смертью.

— Передайте всё Ривере, — сказал он наконец. — По каналу «Альфа-1». И молитесь, чтобы он знал, что с этим делать.

На Земле слово «ЖИВИТЕ» стало вирусом — не компьютерным, а культурным. В первые часы после появления люди реагировали так, как реагирует любой организм на внезапный шок: замирали. Улицы городов опустели. Фабрики остановились. Школы закрылись. Восемь миллиардов человек одновременно уставились в экраны, пытаясь понять, что произошло.

Потом пришли вопросы. Кто послал это сообщение? Жив ли экипаж «Гелиоса»? Что означают данные, которые продолжали поступать? И самый страшный вопрос, который никто не решался произнести вслух, но который висел в воздухе, как грозовая туча: правда ли, что что-то идёт к нам?

Информационные сети захлебнулись. Официальные каналы Совета молчали — Ривера ввёл режим «Тишина-Ноль», запрещающий любые комментарии до завершения первичного анализа. Но в эпоху, когда каждый человек носил в кармане устройство, способное связаться с любой точкой планеты, молчание властей лишь подливало масла в огонь.

Култ Пустоты — маргинальная секта, ещё вчера насчитывавшая несколько тысяч последователей — за сутки выросла в десять раз. Их лидер, человек, называвший себя Пророком Тишины, вышел в прямой эфир с крыши заброшенного собора в Барселоне и объявил, что слово «ЖИВИТЕ» — это последнее предупреждение перед Великим Очищением. «Космос говорит нам: живите сейчас, потому что скоро жить будет некому», — вещал он, и миллионы людей, напуганных и растерянных, слушали.

На другом конце спектра учёные со всего мира бросились расшифровывать данные. Массачусетский технологический институт, Токийский университет, Европейский центр ядерных исследований — все они получили фрагменты пакета и работали круглосуточно, пытаясь понять, что им прислали. Первые результаты были ошеломляющими: технологии «Завесы» основывались на физических принципах, которые земная наука считала теоретически невозможными. Но математика была безупречной. Каждое уравнение проверялось, перепроверялось и снова проверялось — и каждый раз оказывалось верным.

Мир замер на пороге. Он ещё не знал, что порог этот ведёт не к спасению и не к гибели, а к выбору, который разделит человечество надвое.

Совет раскалывается

Зал Единого Земного Совета в Женеве никогда не видел такого количества людей. Обычно здесь заседали триста двадцать делегатов — по одному от каждого крупного региона планеты. Сегодня их было вдвое больше: советники, эксперты, военные аналитики и представители научных институтов заполнили каждое свободное место. Камеры-дроны, обычно парившие под куполом в строгом порядке, сбились в хаотичный рой, пытаясь захватить каждое лицо, каждый жест.

Даниэль Ривера стоял у центральной трибуны. За последние трое суток он спал в общей сложности четыре часа. Его нейроимплант работал на пределе, транслируя в сознание непрерывный поток аналитических сводок, перехваченных сообщений и экстренных докладов от разведывательных служб. Под глазами залегли тёмные круги, но голос оставался твёрдым — голос человека, который знал, что сейчас от его слов зависит будущее вида.

— Коллеги, — он поднял руку, и гул в зале начал стихать. — Я понимаю ваше нетерпение. Я понимаю ваш страх. Но прежде чем мы начнём обсуждение, я должен сообщить вам факты. Только факты.

Он активировал центральный голографический проектор. В воздухе над трибуной развернулась трёхмерная модель Солнечной системы, окружённая россыпью красных точек.

— Семьдесят два часа назад станция «Горизонт» приняла пакет данных, источником которого является экипаж корабля «Гелиос». Экипаж жив, но находится за пределами известного нам пространства — в области, которую они называют «Внешний Контур». Природа этой области пока не установлена.

Ривера увеличил изображение внешних границ Солнечной системы.

— Вместе с сообщением мы получили полный технический пакет, включающий спецификации системы планетарной маскировки, которую мы обозначили кодовым названием «Завеса». Эта система, будучи активированной, способна скрыть Землю и всю внутреннюю Солнечную систему от обнаружения... сущностями, которые экипаж «Гелиоса» идентифицировал как «Очистителей».

Зал загудел. Ривера поднял руку снова.

— Я не буду смягчать формулировки. Согласно данным «Гелиоса», Очистители — это автоматизированная система уничтожения разумной жизни, действующая в галактическом масштабе. Они уже уничтожили тысячи цивилизаций. И наш ответ на сигнал из облака Оорта, возможно, привлёк их внимание к Земле.

Тишина, наступившая после этих слов, была физически ощутимой. Ривера видел, как побледнели лица делегатов, как некоторые из них непроизвольно схватились за подлокотники кресел.

— Протокол «Завеса» — наш единственный известный способ защиты, — продолжил он. — Но его внедрение потребует радикальной перестройки всей планетарной инфраструктуры. Полная реконфигурация энергосетей. Отключение систем дальней космической связи. Ограничение активности искусственных интеллектов выше определённого порога сложности. И... — он сделал паузу, — установление централизованного контроля над всеми электромагнитными излучениями планеты. Любой неконтролируемый сигнал может выдать наше местоположение.

— Вы предлагаете нам стать тюрьмой! — голос Лин Мэй прорезал тишину, как скальпель. Она поднялась со своего места в третьем ряду, и камеры-дроны мгновенно развернулись к ней. — Пятьдесят лет назад мы покончили с авторитарными режимами. Мы построили мир, основанный на прозрачности и свободе информации. А теперь вы хотите отключить связь? Контролировать каждый сигнал? Это не защита, Ривера. Это капитуляция перед страхом!

— Это выживание, Лин, — Ривера повернулся к ней. — Я не хочу этого. Никто из нас не хочет. Но альтернатива — исчезновение. Не война, не оккупация. Полное, абсолютное стирание. Как будто нас никогда не было.

— А откуда мы знаем, что данные «Гелиоса» достоверны? — вмешался генерал Маркус Крюгер. Его кибернетическая рука сжималась и разжималась в ритме, который Ривера научился распознавать как признак крайнего напряжения. — Экипаж, по их собственному признанию, подвергся трансформации. Они больше не люди в биологическом смысле. Как мы можем доверять информации от существ, чьё сознание было переписано инопланетным кодом?

— Математика не зависит от биологии отправителя, генерал, — раздался спокойный голос из задних рядов. Все обернулись. Говорила д-р Аиша Патель, директор Глобального института теоретической физики, — невысокая женщина с седыми волосами и острым, как лазер, взглядом. — Мы проверили уравнения «Завесы» независимо, в семнадцати лабораториях на четырёх континентах. Физика работает. Вопрос не в том, реальна ли угроза. Вопрос в том, готовы ли мы заплатить цену спасения.

Зал взорвался. Десятки голосов зазвучали одновременно, перебивая друг друга. Ривера видел, как формируются линии разлома — те самые трещины, которые он боялся увидеть. Одни делегаты кивали Крюгеру, другие — Лин Мэй, третьи — Патель. Единство, которым человечество гордилось полвека, трещало по швам.

— Тишина! — рявкнул Ривера, и аудиосистема зала усилила его голос до физически ощутимого уровня. Делегаты замолкли. — Мы не будем решать это криком. Я предлагаю компромисс. Протокол «Завеса» вводится поэтапно. Первая фаза — реконфигурация дальней связи и энергосетей — начинается немедленно. Вторая фаза — ограничение ИИ-активности — только после независимой экспертизы. Третья фаза — полная маскировка — только по результатам голосования всего населения Земли. Референдум.

— Референдум? — Лин Мэй нахмурилась. — Вы хотите спросить восемь миллиардов человек, готовы ли они ослепнуть и оглохнуть?

— Именно это я и хочу, — Ривера посмотрел ей в глаза. — Потому что если мы примем это решение без согласия людей, мы уже не будем тем человечеством, которое стоит спасать.

Голосование по первой фазе прошло быстро: семьдесят три процента «за». Этого было достаточно. Но Ривера заметил, что двадцать семь процентов «против» — это не просто несогласные. Это зародыш чего-то большего. Чего-то, что могло разорвать мир изнутри быстрее, чем любые Очистители.

Когда зал начал пустеть, к Ривере подошёл Крюгер. Генерал говорил тихо, почти шёпотом, но его слова были тяжелы, как свинец.

— Даниэль, ты знаешь, что я поддержал первую фазу. Но я хочу, чтобы ты понимал кое-что. Если эти «Очистители» реальны и если «Завеса» не сработает, нам понадобится план «Б». Не маскировка. Оружие.

— В данных «Гелиоса» нет ничего об оружии, Маркус.

— Вот именно. И это меня беспокоит больше всего.

Крюгер развернулся и ушёл, оставив Риверу одного у трибуны. За прозрачным куполом зала начинался рассвет — розовый, нежный, безмятежный. Рассвет мира, который уже никогда не будет прежним.

Первый знак

Обсерватория «Цербер» располагалась на тёмной стороне Луны — в глубоком кратере, защищённом от любых электромагнитных помех Земли. Это был самый чувствительный инструмент человечества: массив из двухсот сорока криогенных антенн, способных уловить шёпот нейтрино на расстоянии в десятки световых лет. До недавнего времени «Цербер» использовался исключительно для фундаментальных исследований — картографирования тёмной материи и поиска гравитационных волн от слияния чёрных дыр.

Теперь у него была другая задача.

Д-р Хироши Танака, руководитель обсерватории, не спал уже двое суток. Его команда из двенадцати человек работала посменно, но сам Хироши отказывался покидать пост. Он знал, что ищет. Он знал, что найдёт. И он боялся этого момента больше всего на свете.

— Доктор Танака, — голос его ассистентки, Марии Сантос, был напряжённым. — Сектор 44-Гамма. Посмотрите.

Хироши подошёл к её терминалу. На экране отображалась карта нейтринного фона в радиусе двух световых лет от Солнца. Обычно эта карта выглядела как равномерное голубоватое свечение с редкими яркими точками — далёкими звёздами и их планетарными системами. Но сейчас в секторе 44-Гамма зияла чёрная дыра. Не в астрофизическом смысле — просто область, где нейтринный фон упал до абсолютного нуля.

— Это невозможно, — прошептал Хироши. — Нейтрино проходят сквозь что угодно. Чтобы создать такую тень, нужно... нужно буквально убрать материю из этой области. Всю материю.

— Область расширяется, — Мария вывела временной график. — За последние шесть часов она выросла на ноль целых три десятых процента. Если экстраполировать...

— Не надо экстраполировать, — Хироши выпрямился. Его лицо стало серым. — Я знаю, что это. Мы все знаем. Это след Очистителя. Они стирают пространство перед собой, и нейтрино просто нечему отражать.

— Расстояние?

— Один и семь десятых светового года. Направление — к Солнцу.

Мария медленно опустилась в кресло.

— Сколько у нас времени?

Хироши закрыл глаза. Математика была простой и безжалостной. Если Очистители двигались с той же скоростью, с какой расширялась нейтринная тень, они достигнут внешних границ Солнечной системы через восемнадцать месяцев. Может, меньше — они не знали, способны ли эти сущности ускоряться.

— Достаточно, чтобы успеть, — сказал он, не открывая глаз. — Но недостаточно, чтобы колебаться.

Он активировал защищённый канал связи с Женевой. Через три секунды на экране появилось усталое лицо Даниэля Риверы.

— Даниэль, — Хироши говорил ровно, но его руки, сцепленные за спиной, побелели в костяшках. — У нас подтверждение. Сектор 44-Гамма. Нейтринная аномалия, совместимая с профилем Очистителей из данных «Гелиоса». Расчётное время прибытия — не более восемнадцати месяцев.

Ривера не изменился в лице. Он просто кивнул — медленно, тяжело, как человек, который только что услышал подтверждение смертного приговора.

— Спасибо, Хироши. Передай данные на «Горизонт» и в Совет. Гриф — «Абсолют». И... — он помедлил, — начинай сворачивать обсерваторию. Если «Завеса» заработает, «Цербер» станет первым, что придётся отключить.

Экран погас. Хироши Танака стоял в тишине лунной обсерватории, окружённый гулом криогенных систем и мерцанием экранов, которые показывали ему приближение конца. За толстым стеклом купола раскинулось лунное небо — чёрное, усыпанное звёздами, прекрасное и равнодушное.

Где-то среди этих звёзд, в двух световых годах от его кресла, пространство переставало существовать. И пустота двигалась сюда.

Глава 2: Свидетели

Пробуждение во Внешнем Контуре

Первое, что осознал Джейсон Ли после передачи сообщения на Землю, — это то, что у него больше нет век. Не в буквальном смысле — его тело всё ещё существовало, он мог поднять руку и увидеть пальцы. Но граница между «видеть» и «не видеть» размылась. Закрывая глаза, он продолжал воспринимать пространство вокруг себя — не зрением, а чем-то иным, для чего в человеческом языке не существовало слова.

Он лежал в своём ложементе на мостике «Гелиоса». Корабль больше не вибрировал. Реактор «Стрижа» был мёртв — выгорел дотла во время последнего прыжка, превратившись в бесполезный кусок оплавленного металла. Аварийное освещение заливало мостик тусклым красным светом, но Джейсон видел и другой свет — золотистые нити, пронизывающие переборки, палубу, даже воздух. Они пульсировали медленно и ритмично, как дыхание спящего великана.

— Все живы? — голос Новака прозвучал одновременно в ушах и где-то глубже, в той части сознания, которая раньше была занята только мыслями.

— Смотря что вы имеете ввиду под этим словом, — отозвалась Эмили. Она сидела на полу рядом с боксом «Архимеда», прижимая ладонь к его корпусу. Бокс светился ровным синим светом, и Джейсон с удивлением заметил, что свечение распространяется по руке Эмили, поднимаясь к плечу. — Мой пульс — сорок два удара в минуту. Температура тела — тридцать четыре градуса. По всем медицинским стандартам я должна быть в коме. Но я никогда в жизни не чувствовала себя настолько... ясной.

Майкл Рос не ответил. Он сидел в навигационном кресле, и его глаза были закрыты, но пальцы двигались по консоли с невероятной скоростью, вводя команды, которые он не мог знать. Когда Джейсон подошёл ближе, он увидел, что на экране перед Майклом разворачивается трёхмерная карта пространства, в котором они находились. Но это была не обычная звёздная карта. Это была топология чего-то, что не имело аналогов в евклидовой геометрии — пространство, свёрнутое в петли и спирали, где расстояние измерялось не километрами, а степенью информационной связности.

— Майкл? — позвал Джейсон.

Майкл открыл глаза. Они были нормальными — карими, человеческими — но в их глубине мерцали те же золотистые искры, что пульсировали в стенах.

— Я слышу корабль, — сказал он тихо. — Не приборы. Сам корабль. Каждую заклёпку, каждый провод, каждую молекулу обшивки. «Гелиос» стал... частью меня. Или я стал частью него. Я не уверен, что есть разница.

Новак поднялся из капитанского кресла. Он двигался осторожно, как человек, который не вполне доверяет собственному телу. Подошёл к иллюминатору и долго смотрел наружу.

— Идите сюда, — сказал он наконец. — Все.

Они подошли. За иллюминатором простиралось пространство Внешнего Контра — и теперь, когда шок прыжка прошёл, они могли рассмотреть его по-настоящему.

Это не было похоже ни на что увиденное ранее. Пространство здесь не было чёрным — оно светилось мягким, рассеянным золотисто-белым светом, как будто они находились внутри гигантского фонаря. Источника света не было видно: он шёл отовсюду, из самой ткани реальности. И в этом свете дрейфовали корабли.

Тысячи кораблей. Десятки тысяч. Может быть, больше — горизонт здесь не существовал в привычном смысле, и взгляд уходил в бесконечность, различая всё новые и новые силуэты. Кристаллические сферы, переливающиеся внутренним огнём. Живые коконы, покрытые чем-то, напоминающим кору древних деревьев. Геометрические конструкции невозможных форм — тетраэдры, вложенные в тетраэдры, уходящие в бесконечную рекурсию. Органические структуры, похожие на колоссальных медуз, чьи щупальца тянулись на километры. И между ними — пустые, тёмные остовы, чьи создатели, возможно, давно перестали существовать даже в этой форме.

— Кладбище, — прошептал Новак. — Или... порт?

— Ни то, ни другое, — Эмили подошла к консоли «Архимеда». Система работала в автономном режиме, и на её экране уже появлялись первые результаты анализа. — Это убежище. Каждый из этих кораблей — это раса, которая сумела обойти Великий Фильтр. Они не мертвы, капитан. Они... ждут.

— Ждут чего?

Эмили не успела ответить. На экране связи вспыхнул индикатор входящего сигнала. Но это был не радиосигнал и не лазерная передача. Это было прямое обращение к сознанию — мягкое, ненавязчивое прикосновение чужого разума, похожее на то, как тёплая рука ложится на плечо.

«Новоприбывшие. Вас приветствует Конклав Свидетелей. Не бойтесь. Вы среди тех, кто понимает.»

Слова возникали не в ушах, а прямо в сознании, и каждый из четверых слышал их на своём языке — Джейсон на английском, но с лёгким оттенком кантонского, языка его бабушки. Новак — на чешском, языке его детства. Эмили — на французском. Майкл — на португальском.

— Кто вы? — спросил Новак вслух, хотя уже понимал, что голос здесь не нужен.

«Мы — те, кто отказался стать прахом. Как и вы. Ваш корабль-цветок уже в пути. Он проведёт вас.»

— Корабль-цветок? — Джейсон вспомнил последнее, что видел перед тем, как сознание затуманилось: огромную конструкцию, похожую на распускающийся бутон, приближающуюся к «Гелиосу». — Он уже здесь?

Ответом стало движение за иллюминатором. Из золотистого свечения медленно, величественно выплыла структура, при виде которой у Джейсона перехватило дыхание.

Корабль-цветок был огромен — раз в десять больше «Гелиоса». Его корпус состоял из полупрозрачных «лепестков», каждый из которых переливался всеми оттенками фиолетового и ультрамаринового. Лепестки медленно двигались, раскрываясь и закрываясь в сложном ритме, и при каждом движении из них исходили волны тепла и света. В центре конструкции пульсировало ядро — сгусток чистой энергии, похожий на маленькую звезду.

Корабль-цветок остановился рядом с «Гелиосом», и один из его лепестков протянулся к земному кораблю, как рука, предлагающая помощь. Там, где лепесток коснулся обшивки «Гелиоса», металл не деформировался — он просто стал прозрачным, открывая проход.

«Входите, — прозвучало в сознании. — Или позвольте нам войти. Здесь нет принуждения. Только выбор.»

Новак посмотрел на свой экипаж. Эмили уже шла к проходу, её глаза горели тем лихорадочным блеском, который он научился узнавать — блеском учёного, стоящего на пороге величайшего открытия. Майкл не двигался, но его пальцы на консоли замерли, и выражение его лица говорило о том, что он уже «чувствует» корабль-цветок через системы «Гелиоса». Джейсон ждал приказа.

— Ладно, — Новак расправил плечи. Старая привычка — привычка человека, который привык входить в неизвестность первым. — Но я иду впереди. И если мне не понравится то, что я увижу, мы возвращаемся.

Он шагнул в проход. Золотистый свет обнял его, как тёплая вода, и капитан «Гелиоса» исчез в чреве инопланетного корабля. Остальные последовали за ним.

Корабль-цветок

Внутри корабля-цветка не было коридоров, палуб или переборок в человеческом понимании. Пространство здесь было живым — оно перестраивалось вокруг гостей, формируя поверхности для ходьбы, создавая объёмы для дыхания, подстраивая освещение под чувствительность человеческих глаз. Воздух пах озоном и чем-то цветочным — не земным цветком, а чем-то более глубоким, первичным, как запах самой жизни.

Они шли по поверхности, которая пружинила под ногами, как живая ткань. Стены — если их можно было так назвать — состояли из полупрозрачного вещества, внутри которого двигались потоки света: фиолетовые, синие, золотые. Потоки складывались в узоры, и Джейсон с удивлением понял, что может их «читать» — не глазами, а тем новым чувством, которое появилось после трансформации. Узоры были мыслями. Чужими мыслями.

«Мы — Ал'Кари, — прозвучало в сознании. — В вашем языке ближайший аналог — "те, кто поёт цветом". Мы были четвёртой расой, достигшей Внешнего Контур. Это было сто двадцать тысяч ваших лет назад.»

— Сто двадцать тысяч лет? — Эмили остановилась. — Вы находитесь здесь дольше, чем наш вид существует?

«Существование — неточное слово. Мы пребываем. Мы помним. Мы наблюдаем. Но мы давно перестали меняться. В этом наша печаль и наша безопасность.»

Пространство вокруг них расширилось, и они оказались в огромном зале — если это слово применимо к помещению, чьи стены были сотканы из живого света. В центре зала парила фигура.

Она не была гуманоидной. Ал'Кари выглядели как... Джейсон долго подбирал слово и остановился на «симфонии». Существо представляло собой сложную, постоянно меняющуюся структуру из переплетённых световых нитей, каждая из которых имела свой цвет и свою «ноту» — вибрацию, ощущаемую не ушами, а всем телом. Структура была размером с небольшой дом, и от неё исходило тепло — не физическое, а эмоциональное, как от присутствия мудрого и доброго существа.

«Я — Первый Голос Ал'Кари. Вы можете называть меня так, как вам удобно. Ваш разум ищет имя — дайте мне его.»

— Хор, — неожиданно для себя сказал Джейсон. — Вы похожи на хор.

Структура вспыхнула оттенками тёплого золота — Джейсон понял, что это эквивалент улыбки.

«Хор. Мне нравится. Я буду Хором для вас.»

Новак, который всё это время стоял с каменным лицом, скрестив руки на груди, наконец заговорил. — Хор. Мы благодарны за гостеприимство. Но у нас мало времени. Наша планета в опасности. Нам нужно понять, где мы, что такое Внешний Контур и как мы можем помочь Земле.

«Прямота. Редкое качество среди Свидетелей. Большинство новоприбывших проводят первые десятилетия в оцепенении.»

— У нас нет десятилетий, — отрезал Новак.

«Нет. У вас нет. Поэтому слушайте внимательно, капитан Новак.»

Хор изменил форму. Его световые нити развернулись, заполнив весь зал, и превратились в трёхмерную карту. Но это была не карта пространства — это была карта реальности.

«Вселенная, которую вы знаете — та, что состоит из материи, энергии, пространства и времени — это лишь один слой. Мы называем его Внутренним Контуром. Он подчиняется законам физики, которые вы изучали. Он конечен, он расширяется, и в нём действует Великий Фильтр.»

На карте Внутренний Контур выглядел как огромная сфера, испещрённая точками света — звёздами, галактиками, скоплениями. И среди этих точек двигались тёмные тени — Очи-стители, медленно, методично стирающие всё, что светилось слишком ярко.

«Внешний Контур — это изнанка. Пространство между пространствами. Здесь нет расстояний в вашем понимании, нет времени в линейном смысле. Здесь информация первична, а материя — лишь способ её выражения. Те, кто попадает сюда, сохраняют свою сущность, но теряют привязку к физической реальности. Вы можете наблюдать Внутренний Контур, можете посылать туда сигналы, но вернуться в прежнем виде — невозможно.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.